

*Е. Ю. Дубровская, старший научный сотрудник
сектора истории Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН*

Революционная радикализация российских военных в Финляндии и национальные устремления финляндцев в 1917 г.

В годы Первой мировой войны и особенно во время российской революции 1917 года резко изменились взаимоотношения между имперским центром и автономным Великим княжеством Финляндским. Уже с началом войны к существовавшему ранее конфликту вокруг прерогатив верховной и местной власти в Финляндии добавился новый, связанный с необходимостью тотальной мобилизации, а значит, и с усилением государственного вмешательства в местные дела, с расширением роли армии и военной администрации в государственном управлении. Последовавшая российская революция 1917 года, в которую были вовлечены российская армия, флот и гарнизоны и которая сопровождалась волной национальных революций, еще более обострила и запутала существовавший конфликт.

Цель доклада – проследить за развитием «солдатской революции» в Финляндии весной - осенью 1917 года, учитывая, как она повлияла на развитие «национальной» революции финляндцев, а также оценить влияние «военного фактора» на жизнь населения «своей» / «чужой» территории, какой воспринималась Финляндия в Российском государстве в заключительный период финляндской автономии в составе Российской империи.

Хотя финляндская политика Российского имперского и Временного правительств и революционные события в Финляндии в 1917 году уже привлекали внимание историков¹, взаимосвязь между революцией в российской армии и на флоте и национальным движением в Финляндии изучена слабо. В отличие от советских авторов, которые ранее подчеркивали «дружбу» финского

пролетариата с российскими матросами и солдатами, сейчас историки чаще отмечают различные цели и разную динамику революции солдат и финской национальной революции. Исследователи подчеркивают, что, несмотря на существовавшие «коммерческие» отношения между гарнизонами и жителями княжества, русские военнослужащие в Финляндии были изолированы от местного общества. Это объяснялось различиями в конфессиональной принадлежности, в языке и культуре, а также неприязненным отношением финляндцев к представителям русской власти и армии, наблюдавшимся в дореволюционный и революционный период².

По мнению исследователей, в 1917 году революция в армии и национальная революция финляндцев развивались параллельно и во многом независимо друг от друга. Революционное движение в финляндских гарнизонах было, в первую очередь, частью российской солдатской революции, отличавшейся здесь даже большим радикализмом, чем, например, в петроградском гарнизоне³. Тем временем, национальная революция в Финляндии, как пишут многие историки, развивалась не столько в связи с восстаниями в воинских частях, сколько в ответ на распад российской центральной власти в 1917 году. На ее динамику повлияла противоречивая политика Временного правительства, а затем - приход к власти большевиков, облегчивший получение Финляндией независимости⁴. Таким образом, хотя финляндская революция и революция в гарнизонах изучались достаточно активно, попыток выявить их взаимосвязь и взаимовлияние пока не предпринималось.

Источники же свидетельствуют, что финляндская революция и революция в российских гарнизонах были тесно переплетены между собой. События в Финляндии в 1917 году можно понимать как процесс «двойной радикализации». Несмотря на отсутствие тесных контактов между российскими военными и гражданским населением Финляндии, в период революции наблюдалось взаимное радикализирующее воздействие, которое еще более

обостряло политическую обстановку в регионе. Весной 1917 года усилившееся движение финляндцев за расширение автономных прав бывшего княжества содействовало радикализации настроений русских солдат и матросов в Финляндии.

Источниковую основу исследования составили многочисленные протоколы и резолюции солдатских и матросских собраний, заседаний комитетов воинских частей, опубликованные и хранящиеся в архивах письма российских военнослужащих в Финляндии, материалы военной цензуры и др.⁵ Эти материалы позволяют проследить, насколько сложным в обстановке продолжавшейся войны оказалось отношение русских военнослужащих к российскому правительству, политике финляндских властей и к местному населению. Они также проливают свет на то, в какой мере российские военные в Финляндии стали соучастниками финляндской национальной революции и сами испытали радикализирующее влияние финляндских политиков, в частности, социал-демократов, которые летом-осенью 1917 г. стремились воздействовать на активистов русских военных организаций.

В начале марта 1917 года финское население выступало преимущественно сторонним наблюдателем восстаний гарнизонов и флотских команд, воспринимая происходившее как русскую «солдатскую революцию». 4 марта Текла Хултин, депутат финляндского парламента, описывая события в Гельсингфорсе, отметила в дневнике: «Странно выглядели ночью корабли, на всех мачтах и на носу которых горели красные огни... С утра вместо огней были подняты красные флаги. По словам жителей домов, расположенных по дороге к морским казармам, у них до поздней ночи никто не мог заснуть из-за проезжавших мимо военных автомобилей, проходивших толп буйствующих военных и выстрелов»⁶. Но финны постепенно стали понимать, что крушение самодержавия имеет последствия, важные и для самой Финляндии. Так уже 7 (20) марта 1917 г. Временное правительство отменило прежние постановления,

ограничивавшие автономию Финляндии ⁷. А 16 марта прибывший в Гельсинфорс министр юстиции Временного правительства А.Ф. Керенский заявил «о полной амнистии финским гражданам, которых царизм преследовал за политические преступления»⁸.

Тем временем на местах шло формирование выборных органов революционной власти, причем разделение сфер компетенции между военными и гражданскими, русскими и финскими органами далеко не всегда было достаточно четким. В войсках, дислоцированных в Финляндии, как и по всей стране, уже в марте стали возникать выборные войсковые организации. За ними сразу утвердилось название «комитеты», хотя встречались и «советы». Показательно, что первоначально не существовало ясного разделения полномочий между финляндскими властями и русскими военными организациями ⁹. Поэтому армейские и флотские советы не только распоряжались в армии, но и занимались проблемами русского населения в Финляндии, и часто даже брали на себя поддержание порядка среди финнов¹⁰.

Характерным примером был Совет депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта, созданный уже 4 марта (позже переименованный в Гельсингфорсский совет депутатов армии, флота и рабочих). Уже в первые недели революции Совет пытался взаимодействовать с представителями Социал-демократической партии Финляндии (СДПФ) и рабочими организациями. Делегат от СДПФ Г. Ровио вошел в состав исполкома Совета¹¹. В свою очередь, совет согласился участвовать в организации городской милиции, состоявшей в основном из финских рабочих и находившейся под управлением комитета по поддержанию порядка.¹² В состав комитета, наряду с представителями от Гельсингфорсского сейма рабочих организаций и городского муниципалитета, должны были войти по два депутата от русских революционных организаций и от исполкома Гельсингфорсского совета¹³.

В других городах Финляндии, где располагались гарнизоны и флотские команды, в марте также были созданы выборные комитеты, которые взаимодействовали с рабочими организациями или самостоятельно брали в свои руки охрану порядка. 8 марта начал работать Совет депутатов армии, флота и рабочих Або-Оландской укрепленной позиции, делегировавший троих представителей в Гельсингфорский совет¹⁴. В дни революции в Або (Турку) матросы совместно с финскими рабочими участвовали в освобождении из тюрьмы политических заключенных¹⁵. В городе Николайстаде (Вааса) созданный не позже 5 марта гарнизонный исполнительный комитет выслал в город патруль и конные разъезды; финской полиции было предложено сдать оружие и патроны под охрану комитета¹⁶. Комитет предостерегал нижние чины от нарушения «неприкосновенности личности своих сограждан-финляндцев и их собственности», нападений «с грубыми словами или действиями», запрещал требовать спиртное «под угрозой оружия», забирать без денег товары и продовольствие в лавках и магазинах¹⁷.

Наиболее заметной совместной акцией чинов гарнизонов и финляндского населения - преимущественно рабочих - стала грандиозная манифестация в Гельсингфорсе 17 марта, в День памяти борцов за свободу. По примеру Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, объявившего 23 марта Днем похорон жертв революции, здесь были устроены торжественные похороны двух матросов, погибших в дни Февральской революции. Церемония была настолько многолюдной, что в день похорон в городе было даже приостановлено движение трамваев. По сообщению газеты финских социал-демократов, исполком Гельсингфорского совета разработал маршрут шествия, по которому финляндцы и российские военные должны были двигаться совместными колоннами. Над процессией развевались финские и красные флаги, а у могилы был выставлен почетный караул из солдат¹⁸. Еще одно

совместное шествие по Гельсингфорсу состоялось в день пролетарского праздника 1 мая (18 апреля ст. ст.)¹⁹.

В весенние месяцы российские военные и финские рабочие совместно доминировали на улицах финляндской столицы. Участвуя в митингах и демонстрациях, матросы и чины гарнизонов нередко выражали солидарность с требованиями финских рабочих. Так, 5 апреля на Сенатской площади состоялся 20-тысячный митинг в поддержку требования профсоюза финских рабочих-металлистов о немедленном введении в Финляндии 8-часового рабочего дня. По свидетельству одного из руководителей большевиков В.Н. Залежского, среди участников митинга преобладали матросы; и после речей ораторов началось «братание русских с финнами»²⁰.

Как писала газета финских социал-демократов "Tuomies", поддержка требований рабочих со стороны русских матросов и солдат имела важнейшее значение²¹. Делегация от рабочих, избранная на митинге, добилась от предпринимателей уступок металлистам²². Затем Центральная организация профессиональных союзов Финляндии (ЦОПФ), у руководства которой стояли социал-демократы, вынесла на утверждение сейма законопроект о 8-часовом рабочем дне для всех категорий рабочих. Разрешение вопроса должно было проходить парламентским путем под контролем ЦОПФ и исполкома Гельсингфорского совета²³.

Как показывают приведенные выше примеры, не только гарнизоны оказывали революционизирующее воздействие на финскую политику, но и финляндские рабочие и социал-демократы также, в свою очередь, втягивали в революционные действия российских военнослужащих, многие из которых прежде были далеки от политики. Эта динамика стала еще более явной летом 1917 года в связи с обострением конфликта между Временным правительством и финским парламентом (сеймом) относительно статуса Финляндии.

В течение 1917 года, в условиях развала имперских государственных институтов и обострения военного и политического положения страны финляндские политические элиты все более активно стали выдвигать требования закрепления прав автономии посредством международных гарантий, а позже и вовсе -- полного отделения от России²⁴. Характерно, что войсковые комитеты и русские советы в Финляндии, первоначально поддерживавшие Временное правительство, в итоге встали на сторону финского сейма в его конфликте с имперским центром²⁵. В российской столице не только либералы из Временного правительства, но и умеренные социалисты стремились отложить решение вопроса о статусе Финляндии до созыва Всероссийского Учредительного собрания. Тем временем, финляндские социал-демократы, ставшие главной силой национального движения, все более активно выступали за скорейшую независимость страны²⁶.

В то же время, движение чинов гарнизонов и морских команд, преследовавших собственные цели в революции, также влияло на радикализацию социальных и национальных требований финляндцев. Хотя многие чины гарнизонов видели своей главной целью содействие общероссийской революции, солдаты и матросы нередко участвовали в совместных с финляндцами политических акциях и высказывались в поддержку их национальных требований. Тем самым они непреднамеренно способствовали усилению финского национального движения, которое в итоге привело к объявлению Финляндией независимости в декабре 1917 года. Следует отметить, что радикализация солдатской революции и соответственное ослабление контроля Временного правительства над положением в регионе, также подталкивали финляндцев к тому, чтобы все более решительно добиваться национальной независимости.

После утверждения в Петрограде 25 октября 1917 г. правительства большевиков и левых эсеров финляндские социал-демократы его не признали,

и 6 декабря 1917 года финляндский парламент провозгласил независимость страны. Финская национальная революция обрела собственную динамику, развивавшуюся под влиянием новых факторов. Российские войска оставались в Финляндии до середины марта 1918 года, когда по условиям Брестского мира с Германией Советская Россия должна была вывести из страны армейские части и Балтийский флот. На последнем этапе своего пребывания в Финляндии гарнизоны оказались свидетелями разгоравшейся в стране Гражданской войны, жертвами которой стали десятки тысяч человек. Облик финских красногвардейцев, сохраненный фотографиями периода Гражданской войны, отражает влияние политической культуры революционных русских гарнизонов: полувоенное облачение, папиросы в зубах и пулеметные ленты через плечо²⁷.

Большинство служивших в русских гарнизонах не принимали участия в этой фазе гражданского противостояния в Финляндии. Однако роль российских военных в предшествовавшей финской национальной революции в 1917 году была значительно более существенна, чем принято считать в современной историографии. Дислоцированные в Финляндии флотские и армейские части участвовали в политических акциях финнов. Они поддерживали выдвинутые финскими рабочими требования, в частности о введении восьмичасового рабочего дня, а позже обеспечили возобновление работы финляндского сейма. Возможность заручиться поддержкой со стороны гарнизонов вела к радикализации как социальных, так и национальных требований финских социал-демократов и финских политических элит в целом.

В течение 1917 года финляндские политические круги перешли от попыток сохранить лояльность новому российскому правительству (в надежде на разрешение вопроса о судьбе Финляндии законодательным путем) ко все более отчетливому курсу на конфронтацию с российской властью и полное отделение Финляндии от России. Примечательно, что СДПФ, левая партия

парламентского толка, часто находила точки соприкосновения не с лидерами местных организаций российских партий, ориентированных на парламентскую деятельность, а с гельсингфорскими большевиками и левыми эсерами, имевшими растущее влияние в русских советах и комитетах в Финляндии и готовыми идти наиболее далеко в признании финской независимости. Своей поддержкой более радикальных политических сил внутри гарнизонов умеренные финские политики также содействовали усилению «солдатской революции». Нараставшее противостояние гарнизонных и флотских комитетов и советов в Финляндии власти Временного правительства, в свою очередь, обусловило ослабление влияния центральной власти в регионе и во многом проложило путь к финляндской независимости. В итоге, солдатская революция и национальная революция в Финляндии, несмотря на разную динамику и различные цели, усилили друг друга.

---

¹ Dubrovskaja E., Solomeshch I., Russia and Finland During the World War I in Russian Historiography // Norden och Krigen i Finland och Balticum, 1918 – 19, ed. L. Westerland. Helsingfors: Statsrådets kanslis publicationsserie 7, 2004 P. 185 – 193.

² Luntinen P. The Imperial Russian Army and Fleet in Finland 1808 – 1918. Helsinki, 1997; Karemaa O. Vihollisia, vainooja, syöpäläisiä: venäläisviha 1917 – 1923. Helsinki, 1998; Karemaa O. Moraalisesta närkästyksestä kansalliseksi ohjelmaksi // Venäjän kahdet kasvot: Venäjä kuva suomalaisen identiteetin rakennuskivenä. Helsinki, 2004. P. 226 – 254; Ketola E., Kansalliseen kansanvaltaan: Suomen itsenäisyys, ssiaali-demokraatit ja Venäjän vallankumous 1917. Helsinki, 1987; Ketola E. Suomen sotilaskapina - Lokakuun vallankumouksen strateginen edellytys // Historiallinen Arkisto: 91. Helsinki, 1987.

³ Булдаков В.П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 119 - 139, 145; Колоницкий Б.И. Погоны и борьба за власть в 1917 году. СПб, 2001. С. 26 – 33; Он же. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб, 2001. С. 276 – 281; Чистиков А.Н. Финляндия: независимость, гражданская война, отношения с Советской Россией // Интервенция на Северо-западе России: 1917 - 1920. СПб, 1995. С. 159 - 174; Hoppu T. Joki ja sen väki II. Kokemäen historia 1870-2010. Tallinn, 2011. S. 135 – 148; Manninen O. ”Kapina, kansalaissota, vapaussota” // Itsenäistymisen vuodet: 1917 - 1920. 2 osa. Helsinki, 1993; Tanskanen A. Venäläiset Suomen sisällissodassa vuonna 1918. Tampere, 1978; Venäläissurmat Suomessa 1914 – 22, ed. L. Westlund. Helsinki: Valtioneuvoston kanslian julkaisusarja, 2004. Osa 1, 2.

⁴ Черняев В.Ю. Революция 1917 г. и обретение Финляндией независимости // Отечественная история 1993. № 6. С. 27 – 45; Вихавайнен Т. Национальное освобождение или социальное

восстание? Гражданская война 1918 г. в Финляндии и национальное самосознание. Петрозаводск, 2009. С. 11 – 12, 23.

⁵ См.: Дубровская Е.Ю. Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Первой мировой войны (1914 – 1918). Петрозаводск, 2008.

⁶ Hultin T. Päiväkirjani kertoo: 1914—1918. II osa. Helsinki, 1938. S.177—178.

⁷ Журналы заседаний Временного правительства. Март – октябрь 1917 года: в 4-х т. Т.1: Март – апрель 1917 года. М., 2001 С. 49.

⁸ Известия Гельсингфорского совета депутатов армии, флота и рабочих. 1917. 19 и 21 марта.

⁹ Ketola E., Kansalliseen kansanvaltaan... S. 66.

¹⁰ Казанцев Д. Л. Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны. 1914 – 1917. М., 2016. С. 107, 116, 125 и др.

¹¹ РГА ВМФ. Ф. Р.– 92. Оп.1. Д.19. Л.5.

¹² РГА ВМФ. Ф.Р–2063. Оп.1. Д.2. Л.4об.

¹³ Сюкияйнен И., Гельсингфорский Сейм рабочих организаций в 1917—1918 гг. //Скандинавский сборник. Т.V. Таллин, 1962. С. 58.

¹⁴ РГА ВМФ. Ф.Р.– 92. Оп.1. Д.19. Л.5.

¹⁵ Киуру М.Х. Боевой резерв революционного Петрограда в 1917 г.: из истории русских большевистских организаций в Финляндии. Петрозаводск, 1965. С. 9.

¹⁶ Kansallisarkisto (Национальный архив Финляндии). Русские военные бумаги. Д.465: Приказ № 18 по гарнизону г. Николайстада 9 марта 1917 г.

¹⁷ Известия Гельсингфорского Совета. 1917. 22 марта.

¹⁸ Vallankumous uhrien juhllallisten hautajaisten johdosta // Työmies. 1917. 29, 31 maalisk, 1 huhtik.

¹⁹ Дубровская Е.Ю. Русский Гельсингфорс весной – летом 1917 года (политическая топография города) // Культуры городов Российской империи на рубеже XIX - XX веков СПб, 2009. С. 245 – 258.

²⁰ Залезский В.Н. Гельсингфорс весной и летом 1917 г. // Пролетарская революция 1923. № 5. С. 126 – 127.

²¹ Soikkanen H., Kansalaissota dokumentteina: valkoista ja punaista sanankäyttöä v.1917 -1918. 1 osa. Helsinki,1967. S.19.

²² Polvinen T. Venäjän vallankumous ja Suomi 1917 - 1920. 1 osa: Helmikuu 1917 - Toukokuu 1918. Helsinki,1967. S. 47 – 48.

²³ Известия Гельсингфорского совета. 1917. 7 апреля.

²⁴ Лунтинен П. Разлука без печали: как на карте Европы появилось независимое Финляндское государство // Родина. 1995. № 12. С. 27 – 31; Новикова И.Н. «Финская карта в немецком пасьянсе»: Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб, 2002. С. 157.

²⁵ Новикова И.Н. Великое княжество Финляндское в годы Первой мировой войны: от автономии к независимости. Война и общество в XX веке. Кн.1. Война и общество накануне и в период Первой мировой войны, М. 2008. С. 186 – 231.

²⁶ Суни Р. Национализм и демократизация в русской революции 1917 г. // Анатомия революции... С. 288.

²⁷ Itsenäistymisen vuodet... S. 65; Tampere 1918: A Town in the Civil War. Tampere, 2010. P. 63, 66,73, 87 – 88.